

Название и состав памятников археологии в отечественных учетных списках во второй половине XX – начале XXI в.: эволюция подходов и имеющиеся проблемы

Юрчак Д.В.

Управление культуры Витебского облисполкома, Витебск

В статье отражена эволюция формирования названий археологических памятников в государственных учетных списках в БССР и Республике Беларусь.

Цель статьи – проанализировать эволюцию названий и состав памятников археологии, учитываемых как объекты наследия (памятников истории и культуры, историко-культурных ценностей), выявить общие тенденции, характерные для различных периодов, а также существующие проблемные вопросы.

Материал и методы. При подготовке статьи использовались учетные списки памятников археологии БССР и Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) и частные методы исторического исследования (историко-генетический и историко-сравнительный).

Результаты и их обсуждение. Обращается внимание на особенности формирования названий памятников археологии в 1950-е годы, эволюцию системы наименования археологических объектов в 1980-е годы. Особое внимание уделяется памятникам археологии, внесенным в государственные учетные списки объектов наследия на современном этапе, включая проблему их наименований и объединения в комплексы.

Заключение. За период с середины XX века до настоящего времени в названиях памятников археологии в учетных списках произошла существенная эволюция. При этом те процессы, которые шли преимущественно в 1980-х гг., усложнили процесс учета памятников археологии и обусловили имеющиеся сложности с отсутствием единообразного подхода в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Вместе с тем если заимствовать наиболее успешные примеры различных регионов республики в данном вопросе и в случае выработки единообразного подхода с участием специалистов Института истории НАН Беларуси, процесс государственного учета и оптимального названия памятников археологии может быть существенно усовершенствован.

Ключевые слова: Беларусь, археология, культурное наследие, археологическое наследие, законодательство.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 70–77)

Names and Composition of Archaeological Sites in the National Registration Lists in the Late 20th – Early 21st Centuries: the Evolution of Approaches and the Existing Problems

Yurchak D.V.

Culture Department of Vitebsk Regional Executive Committee, Vitebsk

The article reflects the evolution of the formation of the names of archaeological sites in the state registration lists in the BSSR and the Republic of Belarus.

The purpose of the article is to analyze the evolution of names and the composition of archaeological sites considered as heritage objects (historical and cultural sites, historical and cultural values), to identify general trends characteristic of different periods, as well as existing problematic issues.

Material and methods. In preparing the article, the registration lists of archaeological sites of the BSSR and the State List of Historical and Cultural Values of the Republic of Belarus were used. In processing the material, general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.) and particular methods of historical research (the historical-genetic and historical-comparative) were used.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kajuga@list.ru – Д.В. Юрчак

Findings and their discussion. Attention is drawn to the peculiarities of the formation of the names of archaeological sites in the 1950s as well as to the evolution of the naming system for archaeological objects in the 1980s. Particular attention is paid to archaeological sites included in the state registration lists of heritage sites at the present stage, including the problem of their names and combining into complexes.

Conclusion. Over the period from the middle of the twentieth century to the present time, there has been a significant evolution in the names of archaeological sites in the registration lists. Moreover, the processes that took place mainly in the 1980s complicated the process of registering archaeological sites and caused the existing difficulties with the lack of a uniform approach in the current State List of Historical and Cultural Values of the Republic of Belarus. At the same time, if we point out the most successful examples of various Regions of the Republic in this issue and in the case of a uniform approach with the participation of specialists from the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, the process of state registration and the optimal name of archaeological sites can be significantly improved.

Key words: Belarus, archeology, cultural heritage, archaeological heritage, legislation.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 70–77)

Археологическое наследие является важной составной частью культурного наследия республики. Об этом свидетельствует значительная эволюция отечественного законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, в том числе выделение отдельного раздела в Кодексе Республики Беларусь о культуре, посвященного археологическим объектам и археологическим артефактам, а также существенное число памятников археологии, которые имеют статус историко-культурной ценности.

Вместе с тем подробное изучение состава имеющихся исторических учетных списков культурных ценностей позволяет проследить, как менялись существенные названия объектов археологического наследия, а также состав комплексных памятников. При этом далеко не все названия памятников археологии в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее – Государственный список) [1] можно считать удачными, полностью отражающими особенности каждого конкретного объекта. Некоторые из них вообще выглядят спорными и ошибочными. В то же время существовавшие ранее еще в советское время подходы к названию культурных ценностей могут быть заимствованы и в наши дни. Это делает данную статью актуальной и своевременной.

Цели исследования – проанализировать эволюцию названий и состав памятников археологии, учитываемых как объекты наследия (памятников истории и культуры, историко-культурных ценностей), выявить общие тенденции, характерные для различных периодов, а также существующие проблемные вопросы.

Данная проблематика практически не исследовалась в отечественной науке. Более того, озвученная тема является продолжением публикаций автора, касающихся эволюции законодательства об охране археологического наследия и базовых понятий, характеризующих археологическое наследие в законодательствах БССР и Республики Беларусь [2; 3].

Материал и методы. При подготовке статьи использовались учетные списки памятников археологии БССР и Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ,

синтез, сравнение и др.) и частные методы исторического исследования. Среди последних уместно назвать историко-генетический и историко-сравнительный.

В рамках данной работы будут применяться категории «археологические объекты» и «памятники археологии» (ранее использовался и альтернативный вариант «археологические памятники»). В отношении советского периода преимущественно будет употребляться последний термин, закрепленный в законодательстве того времени. Вместе с тем наравне с ним может быть использован и второй, в значении, определенном в Кодексе Республики Беларусь о культуре, где под археологическими объектами понимаются *недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным пластом (слоем), возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад, сохранившиеся в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, которые могут соответствовать критериям для предоставления им статуса историко-культурной ценности.* В отношении существующих историко-культурных ценностей понятие «памятник археологии» будет применен исключительно к тем археологическим объектам, которые включены в Государственный список.

Результаты и их обсуждение. В советском законодательстве в послевоенное время первое четкое определение понятия «памятник археологии» было дано в Положении об охране памятников культуры, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898, в котором под данной категорией понимались *«древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также найденные древние предметы»* [4, с. 57–58]. Данная дефиниция стала базовой для всего советского законодательства, носила описательный характер, а главное,

четко перечисляла виды археологических объектов, которые чаще всего и отражались в названиях в учетных списках.

Первым документом, в котором были зафиксированы списки археологических памятников общесоюзного и республиканского значения, стало постановление Совета Министров БССР от 19 декабря 1950 г. № 1629 «Об утверждении списков археологических и исторических памятников на территории БССР». В приложениях 1 и 3 к данному постановлению встречаются такие виды памятников, нашедшие отражения в названиях, как *замчище*, *земляное укрепление*, *городище*, *стоянка*, *замок*, *селище*, *курганы*, *курган*, *вал* [4, с. 121–122, 129–147].

При этом в редких случаях в названии к виду памятника добавлялся хронологический период, к которому относился памятник археологии: «*стоянка палеолита*», «*стоянка эпохи неолита или бронзы*» или вообще указывалось «*древняя стоянка*», как это было с памятником археологии у д. Тальковщина Слонимского района (здесь и далее используются названия первоисточника, притом в тексте публикации имеются опечатки по наименованию географических объектов, речь шла о д. Тальковщина) [4, с. 145]. Кроме того, в названии памятника археологии в данном постановлении в одном случае употреблялась географическая привязка к конкретному географическому месту: *Полоцкий замок* [4, с. 129].

В ряде случаев в отношении преимущественно городищ, а в исключительных случаях земляных укреплений и курганов, использовалась практика написания в кавычках местного названия памятника археологии (например, *курганы «Крушинник»*, *городище «Троицкая гора»*, *земляное укрепление «Замок»*). Больше всего подобных примеров в названиях памятников в Витебской области, что, на наш взгляд, говорит об отсутствии единообразия в подходах названия памятников археологии в учетных документах в различных регионах или среди исследователей археологов, принимавших участие в подготовке проекта постановления. В большинстве случаев такую практику использования локальных названий можно считать уместной, за исключением примеров повторяющегося сочетания, когда название памятника и его видовое определение полностью совпадали (*городище «Городище»*). В частности, в приложении 3 к названному постановлению зарегистрировано пять таких названий (четыре случая в Витебской области, один в Молодеченской [4, с. 134–135, 138].

Также интересен единственный пример названия одного памятника, объединившего сразу два одновременных археологических объекта в одном месте. Это касается памятника археологии с названием «*Стоянка и селище*», локализованного на берегу Черествятского озера между деревнями Славены (сейчас Славени) и Ляхи Ушачского района [4, с. 132]. При этом в описании памятника указывается, что на территории стоянки периода неолита или бронзы было славянское сели-

ще XI–XII веков. В данном случае объединение в один комплексный памятник археологии напластований разных хронологических периодов, связанных между собою исключительно местом размещения, выглядит полностью оправданным.

Впоследствии список охраняемых археологических памятников был дополнен постановлением Совета Министров БССР от 26 августа 1957 г. № 538 «Об утверждении дополнительных списков археологических и исторических памятников, находящихся на территории БССР». На этот раз в республиканский перечень, содержащийся в приложении к постановлению, был включен 131 памятник археологии [4, с. 253–279]. В данном документе прослеживаются те же тенденции, вместе с тем появляются и некоторые новеллы. Например, кроме общего понятия «*курганы*» для курганных могильников единожды применяются категории «*группа курганов*», «*курганы-могильники*», а в Гродненской области на четырежды используется понятие «*курганый могильник*», а три раза «*курганы*» [4, с. 256, 269]. Все это свидетельствовало об отсутствии единообразного подхода в терминологии при формировании названий однотипных памятников археологии.

Кроме того, в 1957 году появилось еще два памятника с привязкой в названии к географическому месту (Банцеровщинское городище, Быховское городище), среди типовых названий возникли новые, ранее не встречавшиеся в списке (*замковая гора*, *остатки укрепления*). Также отличительной особенностью постановления 1957 года стало возросшее число памятников с хронологической привязкой в названии. В первую очередь это касалось археологических объектов периода неолита. Особый интерес вызывает памятник археологии «*Вал «Литовский вал»* и его название. В настоящее время данный археологический объект не имеет статуса историко-культурной ценности, хотя в 1957 г. был памятником археологии республиканского значения [5, с. 207].

Еще одной важной вехой развития отечественного законодательства стало принятие в 1978 году нового Закона БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Именно этот нормативно-правовой акт с некоторыми изменениями регулировал вопросы сохранения археологического наследия до обретения Республикой Беларусь независимости. В целях реализации нового законодательства была начата работа над новыми списками памятников республиканского значения. В этом плане особый интерес для исследования представляет сам подготовленный список, утвержденный постановлением Совета Министров БССР № 32 от 18 февраля 1988 г. и опубликованный отдельным изданием [6]. Кроме того, мы попробовали сравнить с итоговым документом предложения в проект постановления от Объединения отделов археологии Института истории АН БССР по Витебской области, подписанное Л.Д. Поболем, П.Ф. Лысенко, Г.В. Штыховым и Л.В. Дучиц. Данный документ хранится в настоящее время в текущем ар-

хиве управления культуры Витебского облисполкома [7, л. 1–55]. Итоговый перечень 1988 года содержал 1 818 памятников археологии республиканского значения. По Витебской области имелось 345 памятников, хотя в упомянутом проекте значилось только 335.

В новом учетном списке господствовал иной единообразный подход написания названий памятников. В частности, практически во всех из них название обязательно содержало вид археологического объекта, периодизацию и дату. Например, «Городище. Ранний железный век. 5 в. до н. э. – 5 в. н. э.». Это было обусловлено тем, что первая графа общей таблицы была обозначена следующим образом: «Наименование памятника. Исторический период». Касаясь периодизации уместно отметить, что первым делом бросается сочетание археологической и формационной периодизации. В частности, все памятники периода средневековья и нового времени относились к раннему феодализму или феодализму, далее приводилась датировка (при ее наличии).

В списке 1988 года появляются новые названия, характеризующие вид объектов, которые не встречались ранее, в их числе: *бескурганый могильник, поклонный камень, остатки замка, языческое святилище, почитаемый камень, каменный крест, языческое святилище с поклонными камнями, поклонные камни, кремнедобывающие шахты, камень-следовик, культовый камень, мастерская, камень-следовик и культовый родник*. Данный перечень позволяет сделать вывод о расширении числа разнообразных памятников археологии и возросшем внимании к культовым камням и каменным крестам, которые не всегда назывались единообразно с учетом локальных особенностей и, вероятно, различными подходами отдельных исследователей.

Немного иная картина наблюдается в терминологии, касающейся древних захоронений. В частности, в тексте совсем не употребляются такие понятия, как «курганы», «группа курганов». Их в подавляющем большинстве случаев заменяет категория «курганый могильник». Также в списке имеется единичный пример использования названия «могильник-жальник». На территории же преимущественно Гродненской области широкое распространение в названии памятников археологии получает понятие «каменный могильник» (иногда «каменные могилы»), которые применялись преимущественно к старинным кладбищам с каменными надгробиями.

Также в сравнении с подходом 1950-х годов бросается в глаза практически полное отсутствие в названиях местных наименований городищ и курганов рядом с видами памятников, что ранее было не такой и редкостью. Однако в списке 1988 года подобные примеры единичны. Кроме того, нет единообразного подхода в их написании, в отдельных случаях названия берутся в кавычки, в других нет (*камень «Дед», городище Замачэк, городище «Городок»*). В то же время широкое распространение получает практика обозначения однотипных памятников археологии, локализованных

возле одних поселений, по номерам в порядке выявления (например, стоянка-1, стоянка-2 и т.д.). При этом каждый такой учитывался самостоятельно и отдельно, на что мы обратим внимание ниже.

Особо нужно уделить внимание вопросу, как в списке 1988 года обозначались территории средневековых городов. Здесь можно отметить наличие нескольких подходов, большинство из которых нельзя считать удачными. И это при том, что городская археология в данное время развивалась весьма активно. Чаще всего укрепленные поселения на территории средневековых городов именовали посредством конструкции «*городище древнего + название города*». Это касалось Минска, Пинска, Гомеля, Турова, Мозыря и других городов. Примечательно, что для Бреста и Славгорода использовались исторические названия городов (Берестье, Пропошеск), а в Заславле указывалось и местное название городища (Замачэк). При этом более точная конструкция, построенная по этому типу, на наш взгляд, встречается в Слониме: «*Замчище древнего Слонима*». Она позволяет отличать укрепленное поселение периода раннего железного века от средневековых.

Также применено название «*городище древнего города*» без указания названия города (исторического города). Такое мы можем видеть в Лукомле, Друцке, Полоцке, а также в проекте постановления касаясь Витебска [7, л. 1]. Однако в последнем случае эта конструкция подверглась уточняющей редакции и вместо общих однотипных названий, которые не совсем удачно звучали по отношению к Верхнему, Нижнему и Взгорскому замкам, появились следующие названия «Древнее городище, детинец города», «Древнее поселение, окольный город», «Древнее поселение, посад». Также в сравнении с упомянутым проектом к памятникам археологии по Витебску добавились Заручевская и Задунавская слободы [6, с. 30–32]. Это редактирование интересно еще и тем, что перечисленные первые три памятника проходят в постановлении под одним номером (165), и это единственный пример подобного учета во всем списке 1988 года. На наш взгляд, у этого может быть только два объяснения: техническая неточность или относительно поздняя редакция, когда изменить нумерацию и общее число объектов уже не представлялось возможным.

В то же время в Полоцке категория «*городище древнего города*» использовалась для названия древнего городища, а также Верхнего и Нижнего замков. Кроме того, отдельно в списке имелся памятник археологии «*Бельчицкий Борисоглебский монастырь: три фундамента церквей*», а также селище в Заполотье [6, с. 63–64].

Третьим вариантом названий исторических центров древних городов являлось применение в названии одного только слова «городище». Это можно увидеть в Гродно, Новогрудке, Волковыске. Относительно последнего уместно обратить внимание, что окольный город имеется в списке как отдельный памятник. А в Гродно значился и памятник археологии «*Уча-*

сток культурно-исторического слоя древнего Гродно» [6, с. 150–151, 167].

Более детально памятники археологии были названы в Минске и Могилеве. В первом имелся памятник «Культурный слой Верхнего города – исторического центра Минска». В Могилеве выделялись следующие памятники археологии: «Культурный слой ядра исторического центра», «Культурный слой древней территории Никольской церкви», «Грунтовой могильник и остатки средневековых укреплений», «Территория Троицкого посада средневекового Могилева» [6, с. 4, 234].

Примерно те же тенденции, которые касались названий памятников археологии республиканского значения, распространялись и на региональный уровень. Исключение составляли исторические города, так как их статус был значительно выше. Вместе с тем на примере решений Витебского облисполкома 1976 и 1987 гг. можно увидеть некоторые детализованные названия, которые не встречались в республиканском списке: «Городище (убежище)», «Каменный крест с изображением человека», «Камень с изображением человека на лошади», «Остатки земляных укреплений», «Земляной вал (пограничный вал)» [7, л. 61, 69].

Кроме советских учетных списков стоит обратиться к наиболее авторитетному многотомному изданию, подготовленному в 1980-х гг. Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР – Сбору памятников истории и культуры Беларуси. Каждый том включал все объекты наследия конкретной области, зарегистрированные и охраняемые, или которые, по мнению исследователей, могли получить официальный статус памятника. Анализ этого издания по областям позволяет сделать вывод, что при создании действующего Государственного списка, прежде всего, пользовались именно этим авторитетным изданием. Поэтому те тенденции формирования названия памятников археологии (в том числе и не самые выигрышные), которые были заложены в данном издании, отчетливо прослеживаются в действующем Государственном списке.

Главной из них стало объединение расположенных у одних населенных пунктов археологических объектов в один памятник археологии, которому давалось сложное название в зависимости от состава (например, «Городище, курганный могильник», «Поселения», «Селища, курганы», «Стоянки», «Курганный могильник, селища, каменные могилы» и т.д.). Далее в описании памятника с единым номером перечислялись все составные части. Они нумеровались также как и общий комплекс, только к цифре прибавлялась литература: а, б, в, г и т.д. С точки зрения сегодняшнего дня такой подход выглядит излишне сложным и не совсем правильным, так как часто объединялись памятники, которые никогда не могли быть единым археологическим комплексом (например, поселения неолита и бронзы, хронологически разделенные тысячелетиями) или их связь было не так просто доказать (например,

городище и курганный могильник примерно одного периода, но расположенные между собой на расстоянии в несколько километров). Такие многочисленные примеры можно увидеть во всех областях республики [8, с. 105, 113, 194, 209; 9, с. 97–98, 104, 137; 10, с. 128, 132; 11, с. 86; 12, с. 158–159; 13, с. 95, 140, 153, 273].

В то же время объединение в один комплекс расположенных в непосредственной близости друг от друга одновременных по хронологии городища и селища, а также курганных могильников (или иных видов захоронений, которые могут располагаться и на территории селища), а такие примеры также имеются [8, с. 191, 200; 10, с. 101; 13, с. 330], однозначно, оправдано. Это же касается и расположенных в одном месте напластований памятников разных эпох, о чем уже говорилось выше.

В сравнении со списком памятников археологии республиканского значения 1988 года в Сборе памятников истории и культуры Беларуси гораздо более детально прописаны памятники на территории средневековых городов. Особый интерес может представлять описание и состав памятника «Старый замок» в Гродно, так как его составные части (замчище, остатки княжеского дворца, остатки Нижней церкви, остатки Верхней церкви, окольный город, дворец) перечисляются без использования вышеназванного принципа литературы общего номера комплексного памятника археологии [10, с. 78].

Еще одной особенностью Сбора памятников было то, что один и тот же памятник мог быть одновременно памятником истории и археологии либо архитектуры и археологии. Например, Коложская церковь в Гродно, в составе данного памятника был выделен Коложский пасад, а также упомянутый выше Старый замок [10, с. 45, 78]. Кроме того, те остатки древних укреплений и руинированные памятники архитектуры, которые в настоящий момент в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре могут считаться только археологическими объектами [14], в разных томах Сбора памятников могут относиться к памятникам архитектуры или истории [10, с. 200; 13, с. 108].

Кроме того, нужно обратить внимание и на то, что в данном издании имелись неточности. Например, городище у д. Зайцево Витебского района было ошибочно отнесено к Летчанскому сельсовету, были перепутаны памятники в Бешенковичском и Шумилинском районах Витебской области [5, с. 205–206]. Эти примеры дают основания предполагать, что имелись и иные неточности в этом авторитетном издании.

Советские учетные списки памятников действовали и в первое десятилетие независимой Беларуси. В начале 2000-х гг. Министерством культуры Республики Беларусь создан новый Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, который впоследствии был утвержден Советом Министров (впервые в 2007 г.) и с многочисленными изменениями и дополнениями действует по сегодняшний день. Причем теперь он доступен в виде

специализированной электронной базы из любой точки мира [1].

Анализ названий памятников археологии, имеющих в действующем Государственном списке, также позволяет говорить об отсутствии единообразия при его формировании не только в целом по республике, но и по отдельным областям. В глаза бросается сразу несколько проблемных вопросов.

Во-первых, необходимо сделать акцент на периодизации, которая часто присутствует в названиях памятников. В единичных случаях в названиях можно встретить рудименты формационного подхода, в основной массе уже ставшие частью истории. Иногда некорректно подается периодизация раннего железного века, который присутствует в названии, но в полной мере не соотносится со следующими вариантами датировки: 1-е тысячелетие, VI–VIII века. Тем не менее самым проблемным, на наш взгляд, в настоящее время является сохранение в названии датировки слов «раннее средневековье», «средневековье», «позднее средневековье», которое датируется в соответствии со старым советским подходом. Последний же никак не соответствует общепринятой в настоящее время периодизации, что закреплена в школьных и вузовских учебниках. Поэтому у любого школьника, знающего курс истории, может вызвать улыбку датировка раннего средневековья, например, XI–XIV веками, при том, что в школе их учат завершать Средние века 1492 годом. А во многих случаях в Государственном списке средневековье выходит за эти хронологические рамки. Имеются примеры, когда позднее средневековье датируется XIII–XV, XIV–XVI, XV–XVII веками. Поэтому в периодизации, которая отражается в названиях, необходимо единообразие и существенный пересмотр имеющихся устаревших названий. В Витебской области в отдельных районах список в этой части уже пересмотрен и внесены уточнения в названия памятников археологии, где сохранялась ссылка на средневековье.

Более того, наиболее оптимальным, на наш взгляд, выглядит отказ от использования любых хронологических ссылок в названиях памятников археологии. Для этого в Государственном списке имеется другая графа «датировка». Именно там конкретно указываются годы, века, тысячелетия, к которым относится памятник. При необходимости туда же может быть вынесена и отсылка к конкретным историческим периодам. В названиях же оптимально оставить только вид памятника археологии, при необходимости уточняющую информацию и локальные названия.

В настоящее время имеются памятники археологии, в названии которых присутствует указание археологической культуры (иногда двух), к которым они относятся. Целесообразность этого также вызывает вопросы, так как более детальное изучение памятника может давать новые фактологические данные, что в свою очередь будет подталкивать к внесению изменений в название памятника (например, указанию сразу

трех археологических культур). А такое нагромождение информации в названии является излишним.

Это же касается и указания количества курганов в курганном могильнике, так как для этого существует паспорт историко-культурной ценности. Поэтому реально существующее в настоящее время название «*Курганный могильник периода раннего средневековья: 2 группы через 250 м, 20 курганов и 1 курганоподобная насыпь для выжигания дегтя*» никак не похоже на название памятника, и, на наш, возможно, субъективный взгляд, требует изменения.

Дискуссионным является вопрос указания условных наименований археологических объектов, данных исследователями по мере их выявления, в названиях памятников археологии в Государственном списке. Мы ранее обращали внимание, что еще в 1950-х годах в учетных документах присутствовали локальные названия («*Городище*», «*Городок*», «*Волотовки*», «*Церковище*»), которые являются названиями урочищ и должны быть вынесены в графу локализации объекта наследия. А вот наименования, под которыми памятники упоминаются в научной литературе, стоило бы сохранить в названиях памятников археологии, так как они далеко не всегда правильно привязаны географически (например, городище Шапуры на самом деле находится в д. Селюты Витебского района, а не в одноименном населенном пункте деревне), а многие деревни исчезают с карт (городище у д. Бороники Витебского района теперь находится в г. Витебске и в разделе Государственного списка по району его не найти). Все это в свою очередь может вносить некоторую сумятицу. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно для такой категории памятников было бы сохранять их прежнюю привязку в названии (например, *городище «Бороники», городище «Шапуры»*).

О сложности данного вопроса говорит то, что в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь не существует единообразного написания таких названий. Стоянки у д. Осавец вообще подаются по-разному: *стоянка «Осавец-4», стоянка-2, стоянка-3* и т.д. Также в Государственном списке имеются следующие варианты написаний: *стоянка Горбов-1, селище «Кусичи», каменный комплекс с изображениями и надписями (Каменка 1), городище Загорцы, стоянка «Новоселки-1», городище Бортники-1*. Тем самым, названия подаются то в скобках, то в кавычках, то без них. Нет единообразия и в написании номеров (отдельно или через дефис). На наш взгляд, наиболее оптимальным является написание в кавычках, так как сами названия условны и связаны с современными географическими объектами. Сами же жители городищ, селищ, стоянок подобными названиями не пользовались. Кроме того, чаще употребляется написание чисел через дефис, поэтому наиболее правильным выглядит вариант написания *селище «Кусичи», стоянка «Новоселки-1»*. При этом в кавычки могут браться современные названия объектов, или их исторически первая привязка в научной литературе.

Дискуссионным вопросом является включения в Государственный список в составе комплексных памятников археологии архитектурных объектов. В частности, в г. Орша в составе «Посада Надднепровского» в настоящее время имеются три здания. Одно из них начала XX века, второе вообще датируется 1930-ми гг., а следовательно, ни при каких условиях они не могут быть археологическими объектами (не старше 120 лет). Поэтому самым оптимальным выглядит вариант признания подобных объектов самостоятельными памятниками архитектуры.

Отдельно необходимо остановиться над вопросом археологических комплексов. В статье 68 Кодекса Республики Беларусь о культуре комплексом признаются изолированные или соединенные между собой недвижимые историко-культурные ценности, которые размещены рядом или в разных местах, но объединяются общими признаками [14]. В письме Института истории НАН Беларуси от 1.09.2020 года также указывается, что для признания комплексом необходимо, чтобы группа археологических объектов была объединена общим культурным, хронологическим и территориальным контекстом [15]. Таким образом, комплексом можно считать примеры размещения в одном месте памятников разных эпох, и таких примеров в Государственном списке достаточно. При этом самым полным, отражающим все аспекты такого археологического объекта названием, стоит считать название памятника у д. Углы Бобруйского района: «*Многослойное поселение периода неолита, бронзового и железного веков, средневековья*». Внеся уточнение только по раннему железному веку, стоит признать его полностью характеризующим объект наследия. Хотя всю периодизацию можно было бы исключить из названия, оставив точную датировку для многослойного поселения.

Вместе с тем указанная комплексность не всегда прослеживается. Например, у д. Лужесно и в д. Селюты селища, примыкающие к городищам и, безусловно, составляющие с ними единый комплекс, в Государственном списке считаются отдельными памятниками. В то же время в Россонском районе пять городищ, расположенные на расстоянии в несколько километров друг от друга, объединены в один памятник, целесообразность этого вызывает сомнение и у специалистов-археологов [15]. По нашей оценке, такие спорные комплексные памятники археологии имеются в следующих областях: Витебской (Браславский, Верхнедвинский, Витебский, Глубокский, Городокский, Докшицкий, Дубровенский, Лепельский, Полоцкий, Россонский, Толочинский, Чашникский и Ушачский районы), Гомельской (Калинковичский, Гомельский, Мозырский районы), Гродненской (Дятловский, Кореличский, Лидский, Мостовский, Новогрудский, Свислочьский, Слонимский, Щучинский районы), Могилевской (Бельничский, Бобруйский, Быховский, Осиповичский, Шкловский районы), Минской (Березинский, Вилейский,

Логойский, Стародорожский, Столбцовский районы).

Автор данной статьи сам ранее инициировал изменение названий в Толочинском и Чашникском районах условно соединенных в одном памятнике однотипных археологических объектов. При этом было предложено их назвать по примеру ряда других районов «*археологическим комплексом*». Однако сейчас подобный подход вызывает вопросы в его цели сообразности. Можно ли считать курганные могильники, расположенные в нескольких километрах друг от друга, комплексом? Зачем жителям одного поселения несколько кладбищ? Вероятно, они были разделены между собой хронологически или относились к разным поселениям. В таких спорных случаях без убедительных доказательств более уместным будет выглядеть разделение подобных искусственно объединенных памятников, как это было сделано в прежних учетных списках и представлено в иных районах республики.

Еще одной спорной тенденцией является использование единого для нескольких эпох термина «городище» по отношению как к памятникам раннего железного века, так и древнерусскому периоду. Почему в Витебске среди памятников археологии указывается территория детинца, окольного города, посада, называются замки, а во многих городах, где на месте древнего городища сформировался городской центр, сохраняется прежнее название «городище»? О стадии формирования государств-княжеств и удельных центров в этих городах свидетельствует только датировка. В отношении этих памятников уместно было бы пойти по следам древнего Друцка, в котором городище в 2020 году в названии исчезло, а сам объект наследия стал именоваться «Территория средневекового города: детинец, окольный город». Одновременно была повышена и категория этого уникального сохранившегося города-памятника (с категории «3» до категории «1»). На наш взгляд, такой подход в настоящее время максимально оправдан, так как позволит разделять укрепленные поселения догосударственного периода, и средневековые города.

Заключение. Таким образом, за период с середины XX века до настоящего времени в названиях памятников археологии в учетных списках произошла существенная эволюция. При этом те процессы, которые шли преимущественно в 1980-х гг., усложнили процесс учета памятников археологии и обусловили имеющиеся сложности с отсутствием единообразного подхода в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Вместе с тем, если заимствовать наиболее успешные примеры различных регионов республики в данном вопросе и в случае выработки единообразного подхода с участием специалистов Института истории НАН Беларуси, отвечающих за ведение реестра археологических объектов, процесс государственного учета и оптимального названия памятников археологии может быть существенно усовершенствован.

Літаратура

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, 2020 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: gossписок.gov.by. – Дата доступу: 17.03.2021.
2. Юрчак, Д.В. Этапы формирования белорусского законодательства в сфере сохранения археологического наследия / Д.В. Юрчак // Віцебскі край: матэрыялы V Міжнароднага навука-практ. канф. «Віцебскі край», прысвечанай Году малой радзімы, Віцебск, 21 лістап. 2019 г. / ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У. Леніна», кафедра гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава; рэдкал.: Т.М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – Т. 5. – С. 131–137.
3. Юрчак, Д.В. Эволюция базовых понятий, характеризующих археологическое наследие в законодательствах БССР и Республики Беларусь / Д.В. Юрчак // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – Т. 31. – С. 80–86.
4. Советское законодательство о памятниках истории и культуры: сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Минск: Польша, 1972 – 430 с.
5. Юрчак, Д. Помнікі археалогіі Усходняй Віцебшчыны: гісторыя дзяржаўнага ўліку / Д. Юрчак // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2020. – Вып. 35. – С. 201–209.
6. Список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР: в 2 кн. – Минск: БелЭН, 1990. – Кн. 2: Памятники археологии. – 280 с.
7. Список памятников археологии 1988 г. // Текущий архив управления культуры Витебского облисполкома. – 72 л.
8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 496 с.
9. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 383 с.
10. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1986. – 371 с.
11. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1986. – 408 с.
12. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1987. – Кн. 1. – 284 с.
13. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.] – Мінск: БелСЭ, 1990. – 424 с.
14. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-3: Прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 года, адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
15. Письмо ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» № 352-01-04/1151 от 1.09.2020 г. // Текущий архив управления культуры Витебского облисполкома.

Поступила в редакцию 08.06.2021